

Григорій (Борисоглебскій), иером. Об эгоизме и христіанской любви к самому себе: [Пробная лекція] // Богословскій вестник 1894. Т. 2. № 5. С. 183–196 (1-я пагин.).

Объ эгоизмъ и христіанской любви къ самому себѣ *).

Кажется, нѣтъ недоумѣній, болѣе странныхъ, обидныхъ для науки и вредныхъ для общественнаго сознанія, какъ тѣ, которыя возникаютъ изъ за смѣшенія понятій, по недоразумѣнію. Къ числу подобныхъ недоразумѣній въ этикѣ относится смѣшеніе понятій: *эгоизмъ вообще и христіанская любовь къ самому себѣ*.

1. Говорятъ, что этика напрасно пытается выставить *Эгоизмъ*, какіе либо иные мотивы и законы нравственной дѣятельности, кромѣ мотивовъ эгоизма, а слѣдовательно она лишена права на существованіе въ видѣ самостоятельнаго начала и должна слиться съ соціологіей. какъ принципъ современной жизни.

Правда въ настоящее время, кажется, нѣтъ слова, болѣе гнуснаго для человѣческаго слуха, какъ эгоизмъ. Сами эгоисты, настоящіе утилитаристы-себялюбцы и тѣ теперь боятся хватать своимъ міровоззрѣніемъ и, когда нужно, накидываютъ на себя предъ обществомъ тогу альтруизма. А между тѣмъ нѣкоторыя проповѣдаютъ теперь, какъ самую обыкновенную вещь, что міръ и живетъ и — главное — можетъ жить только однимъ эгоизмомъ.

Я приведу довольно характерную исповѣдь одного современнаго писателя, который, въ поискахъ при свѣтѣ своей совѣсти за истиной, всматриваясь въ окружающій его міръ, ничего не находитъ инаго, какъ только одинъ эгоизмъ. (Разумѣемъ *Минскаго*: При свѣтѣ совѣсти. СПб. 1890). Человѣкъ созданъ такъ, что любить долженъ только себя, но эту любовь онъ можетъ проявлять не иначе,

*) Пробная лекція покойнаго архимандрита Григорія по каедрѣ нравственнаго богословія.

какъ первенствуя надъ ближнимъ своимъ, такимъ-же, какъ онъ самъ, самолюбомъ, жаждущимъ первенства. Слово *самолюбие*—плеоназмъ, ибо только себя и можно любить. Все что мы ни любимъ, все любимъ единственно ради того, чтобы извлечь изъ этого себѣ пользу. Любить можно собственно только одно бытіе, или вѣрнѣе, чувство бытія, сознание жизни, благодатной мистически-отрадной жизни, равно какъ ненавидѣть можно лишь небытіе. Все, что есть въ мірѣ самаго неэгоистическаго, веселаго и чарующаго: сіяніе солнца, материнскія ласки, дѣтскій смѣхъ, аромат цвѣтовъ, все это веселитъ и чаруетъ лишь потому, что претворяется во мнѣ въ сознание моего собственнаго бытія. И—наоборотъ. Люди постоянно приходятъ между собою въ столкновение, дѣлятся радостью и горемъ, но при всемъ этомъ душа каждого остается герметически замкнутой сама въ себѣ. Къ людямъ, дающимъ пищу нашему самолюбію, мы чувствуемъ признательность, а къ врагамъ нашей гордости—злобу. Мы любимъ людей такъ-же, какъ гастрономъ любить вкусныя блюда. При всеобщемъ и постоянномъ стремленіи каждого человѣка къ первенству и главенству иногда эти частныя стремленія принимаютъ ужасно до трагизма комичныя формы. Если чужая слава возбуждаетъ нашу зависть, то мы сперва, насколько возможно, подкапываемся подъ нее, чернимъ ее. Но когда замѣчаемъ бесплодность своихъ усилій, мы начинаемъ тогда изступленно превозносить того, кому завидуемъ, неумѣренно ему поклоняться, вызываемъ нарочно на споры и торжествуемъ, если намъ удастся къ чужой славѣ привить свое ничтожество, ибо страстное поклоненіе наше какому-либо величію уже есть само въ себѣ событіе, выдвигающее насъ впередъ, на всеобщее вниманіе. Критикъ, порицающій автора, какъ то всегда ухитрится при этомъ похвалить себя и пріотворить предъ читателемъ анфиладу своихъ собственныхъ достоинствъ. Преступникъ дѣлаетъ себѣ пьедесталъ изъ эшафота. Злодѣй хвастается своими жестокостями. Горе самое сильное утѣшительно тѣмъ, что оно даетъ право на вниманіе. Съ какимъ сладострастіемъ стонетъ больной, если по близости находится любящій его человѣкъ. Больному сладко сознавать, что наконецъ то онъ имѣетъ право наполнять всю квартиру своими воплями. Нѣкоторые положительно упива-

ются мыслью о своей будущей смерти, воображаютъ себя въ гробу, который составитъ тогда предметъ общаго вниманія ближнихъ, надъ которымъ будутъ проливать слезы сожалѣнія и скорби, представляютъ, какъ въ траурной рамкѣ публикаціи появится имя умершаго, какъ многіе удивятся и т. п. Счастливыиъ кичится своимъ счастьемъ, несчастный—своимъ горемъ, герой—своею извѣстностью, заурядный человекъ—своею заурядностію. „Я—человѣкъ самый обыкновенный“—говорятъ о себѣ подобные люди, и при этомъ дѣлаютъ такую самодовольно-хитрую улыбку, какъ будто быть обыкновеннымъ и есть самое необыкновенное въ мірѣ. Итакъ, самолюбіе—было, есть и будетъ не порокомъ, не болѣзнію души, но ея верховнымъ, сокровеннѣйшимъ началомъ, неизмѣннымъ закономъ, управляющимъ всѣми ея движеніями отъ рожденія до кончины (стр. 1—30). Это выводъ—изъ наблюденія наличной дѣйствительности.

2. Это наблюденіе и этотъ выводъ не новость. Эгоизмъ издавна пыталась поставить во главѣ этическихъ мотивовъ философія. Нечего, разумѣется, говорить объ эвдемонистахъ. Утилитаристъ Спенсеръ, сливая эгоизмъ во едино съ альтруизмомъ, утверждаетъ, что первый всетаки и въ жизни и въ теоріи первенствуетъ надъ вторымъ. Этотъ всемірный принципъ, по его мнѣнію, созидаетъ счастье. Общее счастье пріобрѣтается тогда, когда каждый отдѣльный индивидуумъ наиболѣе лучшимъ образомъ приспособленъ къ выполненію всѣхъ своихъ обязанностей. Сравните человекъ здороваго съ болѣзненнымъ. Здоровый всегда бодръ, веселъ, постоянно полонъ энергіи и готовъ къ своему дѣлу; онъ работаетъ съ охотой, скоро; на будущее смотритъ съ надеждой и съ вѣрой въ своей успѣхъ. Не то болѣзненный человекъ. Онъ унылъ, не-энергиченъ; онъ мало надѣется, меньше вѣритъ въ себя; онъ тяготится собой. Первый, разумѣется, сдѣлаетъ несравненно болѣе вкладовъ въ сокровищницу общаго счастья, чѣмъ второй. — Шопенгауэръ, напр., выставляетъ основнымъ этическимъ мотивомъ состраданіе. Повидимому, этотъ мотивъ долженъ быть совершенно чуждъ какого бы то ни было эгоизма, ибо Шопенгауэръ не признаетъ никакой цѣнности за личной жизнью человекъ. Но и въ этомъ мотивѣ звучитъ эгоизмъ. Если мы сострадаемъ чужому несчастію съ тѣмъ, чтобы уменьшить свои

Эгоизмъ, какъ верховный этический мотивъ въ философіи (Спенсеръ, Шопенгауэръ и даже Кантъ).

страданія при созерцаніи своихъ собственныхъ несчастій, то, значить, мы преслѣдуемъ свою пользу и свое собственное благо.—Самъ даже Кантъ, поставляющій основнымъ мотивомъ нравственности абсолютный и чисто формальный принципъ категорическаго императива долга, который является прямо отрицаніемъ всякой мысли о личномъ благѣ, однако безсознательно выставилъ въ своей этикѣ награду въ трансцендентномъ мірѣ въ видѣ высшаго блага, какъ счастье, которое всегда непремѣнно совпадаетъ съ добродѣтелью.—Итакъ, и философія въ различныхъ ея направленіяхъ, и та идетъ будто за самолюбивою жизнью и провозглашаетъ эгоизмъ верховнымъ этическимъ мотивомъ, уничтожая такимъ образомъ самую этику.

Обвиненіе христіанства въ противодіи эгоизма. Обыкновенно привыкли мыслить эгоизмъ, какъ полярную противоположность христіанству. Самая характеристическая особенность христіанства, по которой отличаются христіане отъ не-христіанъ — любовь другъ къ другу. Если эгоизмъ господствуетъ въ плотской жизни міра сего, если онъ въ философіи, то его, несомнѣнно, нѣтъ въ христіанствѣ. — Но оказывается, что обвиняютъ въ эгоизмѣ даже и христіанство. И Кантъ, и Фейербахъ, и Шопенгауэръ, и Толстой обвиняютъ христіанство въ томъ-же эгоизмѣ. „Вѣра, говоритъ Фейербахъ, развиваетъ въ человѣкѣ чувство честолюбія и эгоизма; вѣрующій считаетъ себя отличнымъ отъ другихъ людей, превознесеннымъ надъ обыкновенными смертными, владѣющимъ особыми правами; вѣрующіе вообще аристократы, а невѣрующіе плебеи“. Обвиняютъ христіанство въ эгоизмѣ потому главнымъ образомъ, что оно предписываетъ своимъ послѣдователямъ любовь къ самимъ себѣ: *Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Мѡ. XXII, 39), заповѣдуетъ заботу о личномъ спасеніи. Христіанская жизнь, говорятъ, есть созиданіе своего спасенія; быть христіаниномъ — значить спастись. А всякая забота о своемъ собственномъ благѣ есть уже эгоизмъ. И при томъ, продолжаютъ, христіанскій эгоизмъ — необыкновенно послѣдовательный. Онъ не ограничивается только одною земною жизнью, но цѣною здѣшнихъ страданій покупаетъ блага загробныя. Обѣщаніе въ христіанствѣ будущихъ вѣчныхъ наградъ праведникамъ и наказаній грѣшникамъ, разъ оно дается въ Новомъ Завѣтѣ, само въ себѣ есть мотивъ от-

нюдь не высоконравственный, а прямо эгоистическій. Если бы христіанская мораль предписывала христіанамъ самоотверженную любовь къ ближнимъ и въ то же время обѣщала, что будущее блаженство будетъ обратно пропорціонально этой любви, а мученія — прямо пропорціональны, тогда, говорятъ, можно бы было признать христіанство чуждымъ всякаго эгоизма.

Отсюда возникаетъ недоразумѣніе странное, на первый взглядъ очень темное и запутанное, повидимому, даже опасное. Возникаетъ этическая антиномія, которая ставитъ вопросъ о нравственности самой христіанской нравственности. Съ одной стороны всякому хорошо извѣстно, что именемъ *нравственнаго* можетъ быть названо только то, что чуждо какихъ бы то ни было эгоистическихъ мотивовъ; гдѣ эгоизмъ — тамъ нѣтъ истинно нравственнаго. А съ другой стороны, нѣтъ нигдѣ ни въ жизни, ни въ философіи, ни даже въ христіанствѣ — чистой не эгоистической морали.

Какимъ же путемъ можетъ придти Нравственное Бого-*Путь, ка-*словіе къ разрѣшенію этой антиноміи? Ему нѣтъ нужды *кимъ* возражать противъ того, что современная жизнь человѣч- *Нрав.* еская такова, что при ея наблюденіи нельзя въ ней замѣ- *Б—віе* тить біенія никакого иного пульса, кромѣ эгоистическаго. *можетъ* Эту истину провѣрить будущій историкъ нашихъ нравовъ. *опровер-* Ему далѣе пѣтъ нужды бороться съ философіей и доказы- *нуть это* вать, что подлежащая ея наблюденію падшая природа не- *обвине-*возрожденнаго человѣка можетъ побѣдить эгоизмъ. Нрав- *ніе.*ственное Богословіе можетъ разрѣшить эту антиномію проще, а именно: чрезъ выясненіе, во первыхъ того: *что такое эгоизмъ, въ чемъ его сущность?* во вторыхъ: *что такое, упоминаемая въ христ. богословіи, любовь къ самому себѣ и чѣмъ она отличается отъ эгоизма?*; въ третьихъ, оно должно уяснить: *какое значеніе въ нравственно-христіанской жизни имѣетъ мысль о будущихъ наградахъ и наказаніяхъ?*

Что такое эгоизмъ, какъ мотивъ или принципъ этической дѣятельности? Въ чемъ его сущность и отличіе отъ инаго- *Опредѣ-*настроенія, т. е. искренней любви къ ближнему? Повиди- *леніе мо-*мому, рѣшеніе этихъ вопросовъ очень просто, ибо оно по- *нма.*чти цѣликомъ подсказывается самымъ словомъ. Однако на дѣлѣ не такъ. — Пониманіе эгоизма Спенсеромъ отнюдь не

можетъ быть названо правильнымъ. По его толкованію этого слова, выходитъ, что если мы спимъ, пьемъ, ѣдимъ и под., то мы, слѣдовательно, эгоисты. Тогда придется всѣ сознательные моменты и акты нашей жизни, которые сознаются нашимъ я, какъ собственные, назвать эгоистическими. Такое толкованіе, разумѣется, не можетъ имѣть себѣ приложенія въ области нравственной.—Другіе видятъ центр тяжести эгоистическаго поведенія въ томъ, что эгоистъ живетъ всецѣло только самъ собою, что ему до другихъ нѣтъ совершенно никакого дѣла ¹⁾. Въ этомъ опредѣленіи много правды; но не вся она въ немъ. Вообразите филантропа—благотворителя, который только тѣмъ и занимается, что оказываетъ помощь несчастнымъ бѣднякамъ, на что тратитъ всѣ свои доходы, все время. Но пусть онъ дѣлаетъ это—не будемъ брать ужь самыхъ низкихъ мотивовъ честолюбія, тщеславія, славолюбія и подобныхъ,—но пусть онъ дѣлаетъ это потому главнѣйше, что въ этомъ сложномъ дѣлѣ находитъ для себя просто интересное дѣло, безъ котораго, если онъ его оставитъ, онъ заскучаетъ: ему станетъ жаль, что вотъ онъ уже не можетъ ходить и разыскивать бѣдняковъ, справляться о степени ихъ бѣдности, назначать пособія и под. Такой филантропъ уже—не свободенъ отъ обвиненія въ эгоизмѣ. Значитъ, опредѣлять эгоизмъ внѣшнимъ образомъ нельзя. — Иные хотятъ опредѣлить эгоизмъ, какъ такое поведеніе, которое направлено на приобрѣтеніе благъ для своей низшей человѣческой природы, природы животной или плотской, противопоставляя ему христіанскую любовь къ самому себѣ, какъ такую, которая направлена исключительно на природу духовную, высшую, не плотскую ²⁾. Но злое начало можетъ проникать и въ самыя высокія чувствованія и дѣла наши: даже дѣла высокаго самоотверженія иногда пропикнуты не духомъ любви, а тонкой духовной гордости и потому тоже должны быть обвинены въ эгоистическомъ направленіи и являться возраженіями противъ опредѣленія эгоизма, сейчасъ приведеннаго.

¹⁾ Такъ понимаютъ эгоизмъ, напр., Зайлеръ, Шенкель, проф. Гусевъ и другіе.

²⁾ Такъ понимаютъ эгоизмъ Штанфт, Шрейбертъ, отчасти фонъ-Гиршеръ, Флаатъ, частію даже и Вутке: изъ нашихъ богослововъ—прот. Сольерскій.

Отличительный признакъ эгоизма надо искать въ нравственной психологіи самого эгоизма, какъ *настроенія*. Эгоистъ тотъ, кто держитъ въ мысляхъ свое личное духовное или матеріальное благосостояніе и услаждается имъ, кто нѣжно оберегаетъ его и всячески ищетъ случая увеличить его; эгоиста мысль о себѣ не покинетъ никогда: въ немъ всегда присущъ элементъ сухости, элементъ борьбы. Этотъ эгоизмъ можетъ уживаться съ самою широкою дѣятельностію на пользу другихъ; онъ можетъ быть очень тонкимъ. Эгоистъ можетъ совершать самое самоотверженное дѣло, однако мысль о себѣ, о своей добродѣтели его не покинетъ и тогда. Онъ любитъ своимъ благополучіемъ, мечтаетъ объ увеличеніи его. Онъ совершитъ много добрыхъ дѣлъ, но приди домой, самодовольно подведетъ итоги и мысленно похвалитъ себя точь въ точь, какъ купецъ, возвращающійся послѣ выгодной торговой операціи. Это вотъ тотъ фарисей, который говорилъ: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь. Пошусь два раза въ недѣлю, даю десятую часть изъ всего, что приобретаю“ (Лк. XVIII, 11. 12). Эгоистъ никогда не забудетъ себя; любезно обходясь съ друзьями и даже милуя враговъ, онъ не перестанетъ напоминать ласковую кошку, которая въ одну секунду превращается въ маленькаго, но яростаго тигра, лишь почуветъ ущербъ своему благополучію.

Эгоизму противоположна *любовь*, т. е. любовь къ ближнему. Какъ противоположность эгоизму любовь къ ближнему должна существенно отличаться отъ него самоотверженностію любящаго, самозабвеніемъ, выражающимся не столько въ дѣлахъ самоотверженія, сколько въ потерѣ всякаго самочувствія своего благополучія, въ совершенномъ невниманіи и холодности къ собственному наслажденію и счастью или наоборотъ—страданіямъ. Высшимъ наслажденіемъ для него должно быть не ощущеніе мира и сознанія исполненнаго долга, но миръ и чистота своихъ ближнихъ. Самъ онъ не живетъ, но живетъ другими, какъ говоритъ Апостоль любви: „для меня нѣтъ большей радости, какъ слышать, что дѣти мои ходятъ въ истинѣ“. Въ жизни естественной къ такой любви приближаются матери. Христіанство требуетъ питать ее ко всѣмъ.

Любовь, какъ противоположность эгоизму.

Такъ на-
зывается
любовь къ
самому
себѣ.

Какъ рабъ Христовъ, христіанинъ долженъ полагать нѣкоторую заботу о поддержаніи своей жизни и своего тѣла для служенія Богу и ближнимъ. Но дѣлать изъ этой заботы о своей жизни привязанность, любовь къ ней — христіанство воспрещаетъ. Человѣкъ, любящій въ этомъ смыслѣ, свою душу, погубитъ ее. — *Не любите міра, ни яже въ мірѣ.... яко все, яже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гордость житейская, нѣсть отъ Отца, но отъ міра сего есть* (I Иоан. II, 15, 16). — *Аще воскреснутъ со Христомъ, вышнихъ ищите, идеже есть Христосъ, одесную Бога сядя.* — *Горняя мудрствуйте, а не земная.* (Кол. III, 1—2). Св. Василиій Великій въ своей извѣстной бесѣдѣ къ юношамъ прекрасно говоритъ о томъ, что на земное благополучіе должно смотрѣть лишь какъ на средство. „Мы не почитаемъ и не называемъ благомъ того, что доставляетъ намъ совершенство въ этой только жизни, но простираемъ надежды далѣе, и все дѣлаемъ для приуготовленія себѣ другой жизни. Поэтому, что къ оной споспѣшествуетъ намъ, о томъ говоримъ, что должно любить сіе и домогаемся сего всѣми силами, а что не переходитъ въ оную, то презирать, какъ ничего нестоющее“ (Томъ IV, стр. 345. Изд. 1846 г.). Св. Иоаннъ Златоустъ, изъясняя заповѣдь Спасителя — возненавидѣть душу свою и погубить ее для этой жизни, ясно даетъ видѣть, что это возненавидѣніе ся для этой жизни означаетъ не ненависть къ ней, а истинную и совершеннѣйшую любовь къ ней. „Почему ты не хочешь возненавидѣть души своей, спрашиваетъ онъ? Потому ли, что любишь ее? Поэтому самому и возненавидѣ; и тогда всего болѣе принесешь ей пользы, и докажешь, что ты любишь ее“ (Бес. на Мѣ. 35; т. 2, стр. 118). Не менѣе содержательны сужденія Блаж. Августина въ „Христіанской Наукѣ“ о томъ „что мы должны любить и чѣмъ наслаждаться“.

Итакъ, христіанская любовь къ самому себѣ въ Словѣ Божіемъ и святоотеческихъ писаніяхъ есть собственно не любовь, а забота о себѣ, какъ объ одномъ изъ средствъ любви къ Богу и ближнимъ. Это явствуетъ изъ того, что мы должны любить ближнихъ самоотверженно. Самоотверженная любовь къ ближнему — это собственно тавтологія, такъ какъ любить

другаго можно не иначе, какъ съ самоотверженіемъ; въ противномъ случаѣ будетъ не любовь, а себялюбіе. Потому-то Евангеліе особенно и настаиваетъ на самоотверженности любви, чтобъ показать самую ея сущность. *Аще кто хочетъ по Мнѣ идти, да отвержется себѣ и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ* (Мѣ. XVI, 24), такъ что, *уже не приметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мѣ. X, 38). Въ этомъ смыслѣ Господь Иисусъ Христосъ говорилъ, что Онъ *пришелъ раздѣлить чловѣка съ отцемъ его, и дочь съ матерью ея, и невѣстку съ свекровью ея* (Мѣ. X, 35). Всѣмъ, самымъ, повидимому, невиннымъ въ мірѣ христіанинъ долженъ жертвовать своей любви къ ближнему по Богу. Чтобъ не уяснять себѣ всѣхъ подробностей этого христіанскаго самоотверженія, достаточно только вспомнить, что послѣдняя степень его, его вѣнецъ — въ положеніи своего живота за ближняго. *Больше сея любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. XV, 13). Потому то Спаситель и говорилъ: *потерявшій душу свою ради Меня, сбережетъ ее.* (Мѣ. X, 39).

Но вѣдь плодомъ святости будетъ наслажденіе? Разу-
мѣется, отъ истинно-христіанской любви могутъ получаться и небесныя радости въ душѣ любящаго ближняго чловѣка; —
бываютъ и наслажденія. О нихъ говорится и въ Словѣ Божіемъ; о нихъ много писали и свв. отцы, видящіе въ нихъ начало будущихъ райскихъ наградъ. „Тѣ, которые совлекли съ себя чловѣка ветхаго, пишутъ, напр. Пр. Ниль Синайскій, и земнаго, пріяли вѣнецъ добродѣтелей — любовь, и съ которыхъ Иисусъ совлекъ одежды царства тьмы, тѣ облеклись въ новаго и небеснаго чловѣка Иисуса Христа. И Господь облекъ ихъ въ одѣянія царства неизреченнаго свѣта, въ одѣянія вѣры, надежды, любви, радости, мира, милосердія, благодати, а подобно и во всѣ прочія божественныя, животворныя одѣянія свѣта, жизни, неизглаголаннаго упокоенія, чтобы, какъ Богъ есть любовь, радость, миръ, благодать, милосердіе, такъ и новый чловѣкъ содѣлался симъ по благодати“. — Но эти блаженства отнюдь не суть предметы эгоистическихъ желаній истинной христіанской любви къ ближнему. Дѣло въ томъ, что самое спасеніе въ христіанствѣ понимается именно, какъ отрѣ-

Сущность спасенія — въ любви.

шеніе отъ всякихъ личныхъ привязанностей. Сін блаженства бывають, но только у тѣхъ, которые не жаждутъ ихъ, которые отрѣшаются отъ желанія ихъ.

Поэтому-то всякая другая любовь, напр., плотская—она непремѣнно эгоистична; а духовная любовь къ ближнему есть прямое отрицаніе всякихъ личныхъ вожделѣній. У св. Ап. Павла есть замѣчательнѣйшее въ этомъ отношеніи одно мѣсто. *Я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти*, говоритъ св. Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ (IX, 3). Этими словами Апостоль хотѣлъ сказать: „я весь живу одною любовью къ ближнимъ; какими бы испытаніями меня Господь ни посѣщалъ, какого бы самоотверженія ни требовалъ, я все сіе претерплю, ибо моя жизнь въ любви. Въ этомъ настроеніи—моя жизнь; о себѣ же, о своемъ благополучіи духовномъ — я не забочусь“. Говорятъ, что христіанство тогда было бы чуждымъ и всякой тѣни эгоизма, когда оно обѣщало бы своимъ послѣдователямъ страданія за добро. Въ приведенныхъ словахъ св. Апостола и исповѣдуются такая именно рѣшимость за добро получить лишеніе спасенія.—Итакъ, истинный христіанинъ, во первыхъ, долженъ любить не себя, но ближняго; во 2-хъ, онъ и любя ближняго, отнюдь не долженъ ставить для себя цѣли и побужденія въ наслажденіи плодами этой любви. Тотъ кто будетъ искать духовныхъ благъ, какъ наслажденій, тотъ ихъ не получитъ. Эти блага приходятъ къ тѣмъ, кто ихъ отрицается.

Христіанская любовь къ самому себѣ, такимъ образомъ, *не своихъ си ищетъ, не себя живетъ и не себя угождаетъ*. Сколько бы нравственно христіанинъ ни возвышался, смиреніе будетъ его всегдашней добродѣтелию.

Разрѣшеніе вознижающихъ вопросовъ. Спаситель говоритъ: *возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе* (Мѡ. XXII, 39). Здѣсь будто бы поставляется знакъ равенства между любовью къ самому себѣ и любовью къ ближнему. Если это такъ, то тогда, конечно, можно члены ея переставить, не нарушивъ этого равенства, т. е. сказать: себя нужно любить точно такъ же, какъ мы любимъ нашего ближняго. Но это несправедливо. Любовь къ ближнему характеризуется тѣмъ, что мы отдаемъ ему все, чѣмъ хорошимъ владѣемъ сами; онъ предметъ нашей

нѣжной и постоянной привязанности. Неужели мы должны точно также любить и самихъ себя? Неужели мы должны и самимъ себѣ отдавать все, что можемъ приобрести, не щадя своего живота для приобретенія этихъ благополучій? Все сказанное нами выше убѣждаетъ насъ въ совершенно противномъ. Поэтому въ словахъ: *яко самъ себе* отнюдь нельзя видѣть указанія на положительное содержаніе любви къ самому себѣ. Въ этихъ словахъ Господь, обращаясь къ мірскому порядку и міровоззрѣнію, какъ бы говоритъ: вотъ ты любишь себя всѣми силами души; ты живешь для себя; а я тебѣ говорю: люби ближняго, люби его такъ, какъ будто онъ для тебя сталъ не то что родной братъ, а просто—второй *ты* самъ. Какъ бы тамъ ни было, но только на долю христіанской любви къ самому себѣ отнюдь не остается такой любви, какую христіанинъ долженъ питать къ своему ближнему. Собственно на долю христіанской любви къ самому себѣ не остается любви, какъ чувства. Опытъ говорить намъ, что человѣкъ, возлюбившій ближняго, какъ самого себя, себя-то уже перестанетъ любить. У св. Іоанна Златоуста есть одно мѣсто, гдѣ онъ человѣческую душу называетъ рабочимъ животнымъ. Ее нужно любить намъ, какъ средство для любви Бога и ближняго. Василій Великій сію любовь къ своей душѣ прямо называетъ заботой (*μεριμνα*, а не чувствомъ): „внесли душѣ своей. Ее украшай, о ней заботься, чтобы своею внимательностію предотвратить всякую нечистоту, сообщаемую ей порокомъ, очистить ее отъ всякаго грѣховнаго срама, украсить же и просвѣтить ее всякою красотою добродѣтели“. Эта забота о душѣ ничего не имѣетъ въ себѣ эвдемонистическаго. Напротивъ—основной мотивъ ея будетъ плачь. Душа никогда не будетъ довольна собою; чѣмъ она будетъ ближе къ Богу, тѣмъ она больше станетъ замѣчать въ себѣ недостатковъ и заботиться объ ихъ удаленіи. Эта забота — есть забота о томъ, чтобы не быть эгоистомъ. Конечно, она — не эгоистична. Эта забота, есть забота кормилицы о своемъ питаніи и здоровьи, которая все это отдаетъ любимому дитяти.

Теперь намъ остается уяснить себѣ послѣдній вопросъ о томъ: какое значеніе имѣютъ въ христіанской нравственной жизни обѣщанія награды за нравственную жизнь

и наказаній за почестивую. Не вносятъ ли они въ нее эгоистическаго мотива?

Въ Словѣ Божіемъ и Господь Спаситель и Апостолы часто указываютъ на вѣчныя награды и мученія съ цѣлію побудить къ нравственной жизни „*По жестокости твоей и непокаянному сердцу*—пишетъ св. Ап. Павелъ—*собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, Иже воздастъ коемуждо по дѣломъ его* (Римл. II, 5). Или въ другомъ мѣстѣ: *всѣмъ бо явится намъ подобаеъ предъ судищемъ Христовымъ, да примемъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла* (2 Кор. V, 10).—Эти обѣщанія имѣютъ значеніе лишь въ цѣлостной христіанской жизни. А взятыя отдѣльно, сами по себѣ, какъ мотивы христіанской жизнедѣятельности, они не имѣютъ важнаго значенія. Тотъ, кто живетъ христіанскою жизнью изъ за страха мученій или изъ желанія награды—тотъ не истинный христіанинъ. „Истинно богомудрые и боголюбивые, пишутъ св. Григорій Богословъ, любятъ общеніе съ добромъ ради самаго добра, а не ради почестей, уготованныхъ за гробомъ“. Или св. Василій Великій о такихъ людяхъ говоритъ: „истинно возлюбившіе Бога рѣшились служить Ему, не ради царствія, какъ бы для купли и корысти и не по причинѣ наказанія, уготованнаго грѣшникамъ, но какъ приверженные къ единому Богу и вмѣстѣ Создателю своему“. Потому то этотъ мотивъ во всѣхъ учебныхъ курсахъ относится къ рубрикѣ, такъ называемыхъ, второстепенныхъ побужденій и ставится на ряду съ § о побужденіяхъ отъ временныхъ благъ. Слѣдовательно, этотъ мотивъ дѣйствительнымъ мотивомъ, единственнымъ двигателемъ нравственной дѣятельности и не можетъ быть. Онъ можетъ доброй и окрѣпшей уже въ добрѣ волѣ *помогать* въ ея нравственной дѣятельности. Онъ можетъ иногда, въ эпоху искушенія и затемненія души, сильнѣе, чѣмъ что либо другое претрезвить и просвѣтить ее. Но все это потому, что эти мысли помогаютъ доброй волѣ въ борьбѣ съ разсѣянностью жизни. Страхъ воздаянія по Отцамъ (напр. Исаака Сирина 84 слово) является не началомъ, а первымъ плодомъ обращенія грѣшника.

У христіанина, только начинающаго нравственную жизнь, при самомъ началѣ возрожденія будущія награды и наказа-

нія и не могутъ даже быть побужденіями эгоистическими. Если онъ пожелаетъ видѣть въ загробномъ воздаяніи награду за тѣ физическія лишенія и страданія, которыя онъ терпитъ на землѣ ради достиженія какихъ либо духовныхъ благъ, то онъ своего эгоистическаго желанія мыслью о будущихъ наградахъ питать не можетъ. Если даже онъ просто понадѣется получить за гробомъ упокоеніе отъ своихъ земныхъ трудовъ, то и тутъ въ силу того, что онъ, разумѣется, неправильно понимаетъ будущую жизнь, какъ награду, юридически ему присужденную, собственно въ одной мысли о будущей жизни не получить никакого утѣшенія: чѣмъ онъ можетъ наполнить сію жизнь? Определеннаго какого либо содержанія въ нее онъ вложить не можетъ. Она для него будетъ чѣмъ-то отвлеченнымъ, темнымъ; а это „что-то“ питать эгоизма не можетъ: всякая надежда будетъ смѣняться сомнѣніемъ, да и надежда-то будетъ лишена воодушевляющаго характера. Даже если онъ понадѣется только на одно Божеское правосудіе, Которое воздастъ каждому по дѣламъ его; то не успокоитъ его и это: у него всегда будетъ оставаться сомнѣніе въ томъ, что онъ дѣйствительно будетъ достоинъ наградъ въ будущей жизни, а не мученій. Человѣкъ безъ настоящихъ христіанскихъ чувствъ, безъ любви, скорѣе промѣняетъ нирвану на неизвѣстную загробную жизнь: тогда если за гробомъ не будетъ возданія добромъ, то за то со смертію безвозвратно погибнетъ такая масса зла. Всѣ матеріалисты въ жизни обычно не вѣрятъ въ безсмертіе. Христіане по имени—также отгоняютъ отъ себя мысль о воздаяніи.

Что касается христіанъ съ истиннымъ христіанскимъ міровоззрѣніемъ, съ настоящею Христовой жизнью, то для нихъ собственно будущія награды имѣютъ значеніе не воздаянія, которыя должны бы ихъ побуждать къ добродѣтели, но продолженія той жизни, которою они живутъ и на землѣ. Для нихъ переходъ отъ земли къ небу и незамѣтенъ, ибо они достигаютъ начала блаженства на землѣ. Такимъ образомъ—рай уже будетъ не мотивомъ, а самой жизнью. Эта мысль очень подробно раскрыта у многихъ свв. отцевъ церкви, особенно же у преп. Макарія Египетскаго.

Итакъ, вѣра въ безсмертіе отнюдь не можетъ питать въ христіанинѣ чувство эгоизма. Отсутствие этой вѣры было

бы конечно гибельно для благочестія, и не по эгоистическимъ соображеніямъ, а потому, что если-бъ нравственное начало имѣло бы только временное значеніе, то оно было бы лишено и логическаго смысла, и мы были бы, по слову Апостола „несчастнѣйшіе изъ людей“ (1 Кор. 15, 19), повинующіеся мечтѣ, обману, а не истинѣ.

Архимандритъ Григорій.
